

Рисунок я писал так: "Роди бы делать из этих моделей — крепче бы не было в мире моделей!" (Николай Тихонов).

"Поэт обречен на молчанье,
когда он российский поэт"

Юрий Грунин
2000 г.

11
ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
31.07.99

ЛИТ КЛУБ РОССИИ ГЕНИЕВ НЕ ЖАЛКО

В Северном Казахстане,
в Джезказгане, куда
самолеты из Москвы летают
раз в неделю, живет
великий русский поэт,
которого у нас почти
не знают

Написав это, я устыдился: Юрия Васильевича Грунина один раз уже называли великим. Это сделал один из бывших номенклатурщиков, написавший тетрадь книгу и заинтересованный в его похвале. Он в Ка-захстане серьезный литературный авторитет, хотя выпустил единственный сборник — «Моя пла-ни-да», 1996, — и вообще в суверенном казахском государстве никто особенного не уважает русской поэзией.

Может быть, именно отсутствие среди — главная грунинская беда. Уехала из страны прекрасная поэтесса Руфы Тамарина, тоже стalinская узница. Умерли в Москве его друзья-солагерники, писатели Камил Икрамов (помимо «Дело моего отца»?) и Вадим Попов. Умерли Борис Слуцкий, восторженно отзывающийся о стихах в 1969 году, и Илья Сельвинский, в 1964 году рекомендовавший к печати его книгу. Александр Тарловский, почти никогда лично не отвечавший на письма, писал ему

слов — стихи Грунина выглядят гостями чуть ли не из конструктивистских двадцатых.

«В пекло медной земли, к ка-
торжанам в спецлаг. Двум смер-
тям не бывать. Хоть живи, хоть
умри, бездыханным здесь ляг —
должен медь добывать. Вагонет-
ки руны — будет хлеб за труды.
Будешь петь забывать. Будешь
меди добывать».

Он начал печататься в конце тридцатых, в Казани, куда уехал из родного Симбирска в художественное училище. Тогдашним председателем молодежной секции казанского отделения союза писателей был будущий почетный анти-семит Михаил Бубенцов, автор «Белой березы». Говорят, после смерти Сталина Бубенцов опять пытался стать приличным человеком, помогал молодым, — но таким Грунин его не видел. А в молодости Бубенцов высоко ценил талант молодого художника. Писать стихи и рисовать Грунин начал почти однов-

«А тут у нас всякие-всякие, —
тут разных полных-полно, но я
о Саньке Овсянникове хочу рас-
сказать давно. Он длинный та-
кой, как жердь, издерганный,
как фокстрот, он бледный такой,
как смерть, хрипит о себе «Фоль-
ксдойч!». Он держит фасон,
фольксдойч. По-нашему он —
хвост-дойч. А вызывался он слу-
жить — на вышке стоять, сторо-
жить. Скелетом-шатром стропил
под вышкой стоян сортир, а
Санька над ним — орел: осанку
и пимб обрел. И целую ночь вот
тут идут из дверей к нему — идут
под дождем, идут к уборной по
одному. Вот так же пошел и тот,
которого пулья ждет. Пошел он,

больной, в сортир, где Санька
башкой крутит. А Санька ему
орет: «Эй, жил, тебе пулью в рот!». «Не выйдет!». Палил он в упор, упыры. Убил
он его, убил!».

Я думал, так до него не писали. Разве что Слуцкий стал делать
что-то подобное, но и то в пятиде-

ся хотел бы, между прочим, словно
по волнице самым скрытым, са-
мым срочным приткнуть к тебе!

Как ты думаешь, ушла б ты,
если б на балу подошел к тебе в
бушлате камский лесоруб? А с
утра валить ми сосны, да суч-
ки рубить, да тебя любить не-
сносно, до тоски любить. До тос-
ки — без писем разных, без на-
дежды и лягут, будь то будни, будь
то праздник, каждый день и год».

А письма ему полагалось от-
правлять только дважды в год —
политический. Он нашел способ
передавать письма чаще, и когда
это преступление раскрылось —
его на год лишили переписки вооб-
ще.

Когда он положил перед следо-
вателем этот чудом сохранившийся
комсомольский билет, тот сначала
опешил, но быстро нащел: «Ин-
дульгенией запасся? Не выйдет!».

Он ждал расстрела, но получил
десять лет. А главное обвинение в
его адрес было, что он для немец в
рисовал Гитлера. За хлеб и водку.
Он никогда не рисовал Гитлера.

— Думаю, с долгим пребыва-
нием на людях, с желанием оста-
ваться одному, читать, работать...

Работает он много, режет по
дереву, рисует, читает, чертит. Зна-
чительная часть джезказганских
домов выстроена по его проектам.

Прежде он вел общирную перепис-
ку, выписывал все толстые журна-
лы, но сейчас на журнали не хва-
тает средств, а большинство друз-
ей разъехались, умерли или пере-
стали ему отвечать, потому что в
старости людям все меньше инте-
ресны другие. Замыкается он, и он,
хотя, как видно по разговору, оста-
ется в курсе всех новинок. В горо-
де у него мало друзей, но здороваются
с ним почти все, и даже со-
сед, то склоняющийся с женой до вол-
ней и битья посуды, то мириящийся с
таким же пылом, относится к Грун-
ину как к местной достопримечательности.

«Мне будет до конца казать-
ся — не по заслугам эта честь: я
в «Строфах века» еду заинс-

той индекс - 34296

31 июля
В этот день родились: народ-
ная артистка СССР Любовь
Соколова (1921), выдающаяся
комик Олег Попов (1930), певи-
ца Эдита Пьеха (1937), режис-
сер Роберт Стругацкий (1938), ша-
умен Леонид Якубович (1945).

1 августа
День железнодорожника.
1935 — 30 июля 1935 года в
Кремлевском дворце Сталин принял
большую группу работ-
ников железнодорожного транс-
порта. Нарком путей сообщения
Кагановici на приеме назвал
Сталина «первым машинистом
Советского Союза». В честь это-
го исторического события был
учрежден Всесоюзный День же-
лезнодорожника.

1924 — 75 лет назад был учреж-
ден орден Красного Знамени —
первая государственная награ-
да СССР.

1964 — 35 лет назад в первый
раз прозвучали позывные «Мая-
к»: «Не слышны в саду...».
В этот день родились: писа-
тель Василий Захарченко
(1915), народная артистка
СССР, телеведущая Валенти-
на Леонтьева (1923), драма-
тург Виктор Славкин (1935),
художественный руководи-
тель Маринского театра
Олег Виноградов (1937).

2 августа
День воздушно-десантных
войск.

В этот день родились: народ-
ный артист СССР, мхатовец
Леонид Губанов (1928), космо-
навт Валерий Быковский (1934).

3 августа
1959 — 40 лет назад в Москве
был торжественно открыт 1-й
Московский международный
кинофестиваль.

1995 — в Кандагаре афганским
оппозиционным движением
«Талибаны» были захвачены се-
мьера российских летчиков во
главе с командиром Владими-
ром Шарлатовым и самолет
Ил-76 казахской авиакомпании
«АэроСтаун». Все попытки Рос-
сии, Татарстана, ООН и США
освободить экипаж оказались

КАЛЕНДАРЬ НЕДЕЛИ
ЭКСТРА-ПРЕСС

так:

"В Тетрадях" реальные отзыва-
ки Вашей поэзии костюмной
судьбы, поставившей Вас в необходи-
мость сравнивать условия человеческого бытия, послужившие
материалом для первой тетради, с
условиями, породившими вторую.
(Так — не называя вещей названием).

— Твардовский пишет о сравнении
условий фашистского пленя, о ко-
торых Грунин написал свой первый цикл, с условиями стационарных ла-
герей, где написал второй, причем
сравнение выходит не в пользу ста-
линистов. — Д.Б.

И речь не о том, чтобы обеспечить
сохранность Вашей рукописи, — она
будет сохранена, как и другие,
в поместительном архиве "Но-
вого мира". Но мне кажется, не по-
тряхнуть ли Вам, может быть, на
том же кровавом материале сделать
что-нибудь сейчас более обезымян-
чимое, чем лирический дневник
для себя. Мне искренне хотелось бы,
чтобы Вы свою лагерную музы
не считали принадлежащей только
тому времени по причине — внешней
— невозможности опубликования
"Тетрадей" сегодня".

Все эти деликатные формули-
ровки придали лет спустя понят-
ны. В шестьдесят восьмом Грунин
отправил не столько для публикации
— ведь, не требующая объяснений. Совет писать "что-то
общезначимое" — прозрачный на-
мен в обращение к прозе (далее Твардовский приводит в пример Солженицина). Прозу Грунина, на-
верное, действительно легче было бы опубликовать. Его очерк о Кен-
гирском восстании "Знамя" напечатало в марте 1990 года, в большой
журнальной подборке стихов, в
Москве нет и пыльне, не считая
полосы в "Огоньке" с подачи Дмит-
рия Сухарева. Стихи же не могли
пройти в печать по причине неве-
роятной своей плотности, силы, и
густоты словесного ряда, — в них
мужко воинственного и тоска ла-
герника запечатлены с такой силой,
что долго их читать и сегодня нет
никакой возможности.

Плюс к тому писать Грунин не
мог — фашисты не давали бумаги,
наши нашли бы и уничтожили тек-
сты вместе с автором, — и он, как
большинство лагерных поэтов, все
запоминал. А чтобы запоминалось,
в стихах должно быть много ре-
лей, и нужна плотность, и слова
должны вступать в сложные игры,
— отсюда необычная текстос-
дукция этих текстов, непрозанс-
кая их концептуация. На фоне рус-
ской поэзии наших дней с ее вол-
нистостью, забальванием, дурной
бесконечностью необязательных

временno, то и другое получалось
исплох, и в том и в другом преоб-
ладал чертеж, конструкция, строгая
продуманность формы. Стихи по-
казали Мусе Джалилю — тогда од-
ному из самых известных татар-
ских поэтов, впоследствии узинку
Моабита, автору потрясающих сти-
хов из пленя. Джалиль был мал ро-
стом, худ, замкнут, стихи похвалил
сдержанно. Но поскольку хвалил он
кого-то редко, Грунин был рад.

В сорок первом году Грунин
работал в мюнхенском пехотном учи-
лище, оформлял плакаты, потом
в сорок втором, в мае, он был тяжело
ранен под Старой Русской, ночь
проявляется без сознания, а утром
его подобрали штурмовики из "Мертвой головы". Год он прото-
мился в лагере для пленных в деревне "Малое Засово", — лагерь,
где кормили русским хлебом, от-
правляемым в Германию в 1939—
1941 годах. Нашего хлеба туда
ушло много. Буханки эти тщательно
сохранились, герметично запа-
янные в пакеты, и теперь их выда-
вали русским пленным их немецкие
охранники. Приходили и другие
гостицы из Родины — наши
самолеты несколько раз обстреля-
ли лагерь, наших пленных. Наши
пленные были для них уже не со-
всем людьми.

То, что писал тогда Грунин, не
имеет аналогов в мировой поэзии.
Были люди, писавшие стихи из
пленя, но человек, создавший о-
тличие эпос, огромный — на полу-
торы тысячи строк — цикл, остался
уником. Стихи спасли его: он полугу-
ю исколупил слова, каждую
строфу выкладывал, как стену, и
это позволило каких-то вещей не
замечать. Он и сейчас на удивле-
ние равнодушен к быту, не замечает
что есть, и только в одежде
сохраняет старомодную элегант-
ность. Зато со временем пленя и ла-
гера стало у него привычкой, если
не потребностью, играть словами,
сталивать их, каламбурить, извлече-
вать новые смыслы, — это был род
самогипноза. Иногда это делает
его поэзию трудночитаемой, но
чаще сообщает ей особую напол-
ненность. Кому-то, вероятно, не
понравится формальное совер-
шество его лагерных стихов.
Страдание, внушили нам, должно
быть безыскусно. Но осмелилось
напомнить, что именно виртуозная
отделка стихов, доведение их до
совершенства, изнурительная
шлифовка каждой строчки и была
тем единственным наркозом, кото-
рый позволил Грунину выжить, за-
бываясь хоть иногда и отвлекаясь
от мыслей о прошлом и будущем.
В армии кто-то вкладывает весь
пыл души в шлифовку и раскрас-
ку дембельских альбомов, кто-то
мудрит над амунцией, а кто-то
пишет такие же стихи.

— Вам случалось драться с я в лагерях? — Иногда мы били тех, кто не выполнял норму.

Эти стихи были порождены
двумя основными чувствами: нена-
вистью к тем, кто унижал его, пы-
таясь превратить в голодное, зав-
исящее животное, — и тоской
унижения, проискающего от пол-
ной своей беспомощности. Он со-
зывал, что пленный становится
недочеловеком не только для чу-
жих, но и для своих. При его харак-
тере и темпераменте это было не-
вывисимо.

В начале сорок третьего он попал
в так называемый "Тот", на-
званный так по фамилии инженера,
придумавшего этот немецкий строй-
бат. Сначала туда попадали немец-
кие нестроевые или неблагонадеж-
ные, потом стали брать пленных —
русских, французов. В "Тоте" ра-
ботал шолоховский Андрей Соколов,
только Андрей Соколова наши
особисты отпустили, поскольку
строительство дорог и оборонитель-
ных сооружений не может привра-
ниться к боевым действиям, — а
на самом деле, как Грунин узнал
впоследствии, это ни от чего не спас-
ало, и военнопленные в большин-
стве своем приравнивались к слу-
жившим в германской армии. Ну и
что, спросил его следователь, что вы
строили дороги? Вы же носили не-
мешкую форму!

Немецкую форму им действи-
тельно выдавали — окровавленное
триplete, снятое с мертвцев.

Грунин сам говорит о том, что
в лагерных разговорах и мыс-
лях была непривычная степень съ-
вободы. Человек был поставлен в эк-
стремальные обстоятельства, ис-
ключавшие демагогию. Тут нужна
была грязная, голая, огненная правда.
И он ее говорил: "День так дол-
лог, долг, долг, долг, День так
несколько якесток. Это голод
голова голод замедляет време-
ни поток. Немец, крыса, пока-
залася, скрылся в будке отыбыва-
емы часы. Это крысы крысы
крысы крысы рыскают сегодня
по Руин. Словно черви в сумра-
ке вечернем, немцы выползают
из щелей. Это черви черви черви
расползлись по родине твоей". И таких стихов — полсотни,
и какова цена каждому — представить себе невозможно. Все держа-
лись у него в голове, ни один не был записан.

Никогда не пил водки (не пьет ее и сейчас). Но следователь решил, что раз он художник (его даже попро-
сили нарисовать для советской ок-
купационной зоны несколько Стол-
линских), значит, обязательно рисо-
вал Гитлера. Такова была логика. И Грунин поехал отывать свой
сторк в Соликамске.

А дома его ждали отец и мать,

у которых он был единственным
сыном и которым он успел из лаге-
ря репатриантом отправить не-
сколько писем со стихами. Они
были счастливы, что он жив, и ве-
рили, что скоро его увидят. Но вер-
нулся он только через десять лет.
Все это время они хранили его сти-
хи. Правда, посыпалась у них он
уже не смог — жилплощадь за ре-
прессированными не сохранилась.
Когда он вернулся в Ульяновск, ему
было тридцать четыре, у него была
в Дзержинске квартира, жена, он

пригнулся за уши как есть, да что
там ох, между тем, когда пора
врастануть в траву: живи три чет-
верти столетья, как по инструкции
живи. Строки стиха — мы с пей дружили,
с пей шли в тяготы в штыки... Сильней всего люблю
чужие, душе созвучные стихи".

Любить свои — ему уже, види-
мо, слишком больно. Это он напи-
сал, найдя свои двенадцать строк,
посвященных Икрамову, в "Стро-
фах века". Слава Богу, что он по-
пал туда.

Я не могу здесь цитировать
много его стихов и уж тем более
вынужден обходить молчанием
большие поэмы. По фрагментам,
да еще печатающим в строку, по-
чи ничего не поймешь. Но пусть
мне поверят на слово — он дей-
ствительно большой, ни на кого не
похожий поэт, и его опыт душев-
ной стойкости, прямоты, силы нам
сегодня необходим. Если бы в Москве
была издана достойная, большая
из бывших пленных, не всех же
огульно оправдывать, — и набор
его книг рассыпался. Любые по-
пытки опубликовать стихи о плене
и лагерях наталкивались на желез-
ное сопротивление: Грунин хотел
непременно издать стихи о плене
вместе с лагерными, в этом была
суть его замысла, чтобы ясно ста-
ло, до какой степени между двумя
режимами нет разницы (и то, вспо-
минает он сейчас, кормили одина-
ково, а работать тяжелее было у
нас). Но именно этого знака
равенства ему и не давали поста-
вить. До девяностых у него не было
книги, да и последнюю поэму —
"По стропам строек", ведь горькую,
жесткую, итоговую, — издала его
дочь: набила на компьютере, раз-
множила, и он раздает ее немигом
прятаям.

В 1991 году его по рекоменда-
ции Евтушenko (которому очень
много можно простить и списать
за помощь старому поэту, прожив-
шему такую жизнь) приняли в
Союз писателей, но книга по-пре-
жнему не издана.

Он не ангел, он суровый и зам-
кнутый человек, хотя и весьма обра-
зительный в общении. Лысый, зубов
давно нет. Говорит ровно, старом-
одын изысканным слогом, маты
не употребляет.

— Вам случалось драться в ла-
гере?

— Иногда мы били тех, кто не
выполнял норму, — из-за них хле-
ба недодавали всей бригаде.

— Вы написали в лагере много
любовных стихов, даже несколько
текстов. Неужели было до-
того?

— Нет, скорее это самогипноз,
способ отвлечься. На самом деле в
лагере почти все время хочется
только есть. Стоит чуть подкор-
миться — конечно, желания возвра-
щаются.

— Вы женаты, но живете от-
дельно от жены. Многие лагерни-
ки, с которыми я был знаком, пред-
почитали устраиваться отдельно. С
чем это связано?

— Вы женаты, но живете от-

дельно от жены. Через год после
планирования, 18 августа 1996 года,
летчики совершили дерзкий побег.
Воспользовавшись оп-
лощностью охраны, допустив-
шей их в полном составе в пле-
ниченный самолет для профилак-
тических работ, они улетели из
Кандагара в Объединенные Арабские Эмираты, а оттуда в Москву.

В этот день родились: писа-
тель Анатолий Алексин (1924),
главный редактор «Роман-за-
тесь» Валерий Ганичев (1933),
актер и кинорежиссер Нико-
лаи Бурлев (1946), балетный
танцовщик Вячеслав Гордеев
(1948), тележурналист Алек-
сандр Невзоров (1958).

4 августа

1995 — в Москве в реанима-
ционном отделении Центральной
клинической больницы, от оте-
ка мозга умер Иван Кивилиди,
председатель правления «Рос-
бизнесбанка», президент Круг-
лого стола «Бизнес России». Получила широкое хождение
версия о том, что Кивилиди был
отправлен каким-то хитрым
ядом, заложенным в трубку те-
лефонного аппарата в его о-
фисе. Эта версия связана с тем
обстоятельством, что за два дня
до смерти предпринимателя
умерла его личная секретарша
Зара Исмаилова, доставленная
в больницу с теми же симпто-
мами. Коллеги и друзья Киви-
лиди объявили премию в один
миллион долларов тому, кто
поможет найти заказчиков убийства. Тем не менее, загадка
смерти Кивилиди так и оста-
лась нераскрытым.

В этот день родились: полити-
ки Геннадий Бурбулис (1945) и
Рамазан Абдулатипов (1946).

5 августа

1919 — председатель Реввоенсо-
вета Республики Лев Троцкий
представил в ЦК РКП (б) се-
кретную записку о походе Крас-
ной Армии через Туркестан и
Афганистан на Индию для раз-
жигания пожара мировой рево-
люции в колониях. Так что
Жириновский отнюдь не ори-
ентен в своем желании помыть
сапоги в Индийском океане.
Все было...

6 августа

День железнодорожных войск.
1997 — в Москве на Арбатской
площади освящена воссоздан-
ная на месте снесенной большеви-
ками храма часовня Бори-
са и Глеба. На церемонии при-
ехали президент России Борис Ельцин (его внуки зовут
Борис и Глеб).

